

Словарь языка Пушкина в четырех томах. Т. I. А.—Ж. Сост. С. И. Бернштейн, А. Д. Григорьева, И. С. Ильинская, В. Д. Левин, С. И. Ожегов, В. А. Плотникова, В. Н. Сидоров. Ред. тома И. С. Ильинская. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 807 стр. Прил. на 51 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

Выход в свет первого тома «Словаря языка Пушкина» — большое событие в нашей культурной жизни. Мы до сих пор испытываем недостаток в различных словарях — толковых и исторических. Особенно остро ощущался недостаток словарей языка писателей. «Словарь языка Пушкина» — естественное начало в этой отрасли нашей лексикографии.

Мысль о создании пушкинского словаря зародилась более полувека назад. Однако ни одна из попыток его составления в прошлом не увенчалась успехом. Две трудности помешали этому. Во-первых, в старых, дореволюционных условиях не легко было осуществить такое большое коллективное дело, как составление полного словаря языка Пушкина. Во-вторых, созданию словаря должна была предшествовать большая текстологическая работа, издание действительно полного и научно подготовленного собрания сочинений Пушкина. В советскую эпоху усилиями широкого круга пушкинистов было подготовлено многотомное полное собрание сочинений писателя, вышедшее в 1937—1949 гг. На это авторитетное издание и опирается «Словарь языка Пушкина».

Общие принципы составления Словаря и основные приемы толкования слов в нем обстоятельно изложены во вводной статье «Содержание и построение словаря». В этой рецензии мы скажем лишь об основных достоинствах словаря и о замеченных нами противоречиях и недостатках его. Исчерпывающую характеристику нового издания следует, конечно, отложить до его полного завершения.

«Словарь языка Пушкина» относится к типу словарей-справочников. Первое достоинство такого словаря — в полноте его состава. Эта полнота зависит, во-первых, от охвата различных лексических разрядов и случаев словоупотребления, а во-вторых, от объема привлеченных текстов. Настоящий словарь — в принципе полный словарь языка Пушкина. Однако составителями все-таки было принято несколько ограничений, оговоренных во вводной статье. Следует отметить как особое достоинство издания то, что оно в пределах избранных текстов охватывает всю полноту их словарного состава (речь идет о словах нарицательных¹).

Сложнее оказался вопрос о включении в Словарь имен собственных и географических названий. Вопрос этот не посторонний и не праздный. Л. В. Щерба напоминал в свое время о распространении мнения, что собственным именам нет места в общем словаре, и указывал, что с этим мнением «как будто можно и доложить о спорить»².

Решив вообще не включать собственные имена и географические названия в словарь, его составители пошла, однако, на включение отдельных имен. Во-первых, собственные имена включаются в Словарь, если они употреблены как нарицательные; во-вторых, в него включаются имена мифологические и традиционно-поэтические (например, *Лиза*, *Лилета*, *Делия* и т. п.), играющие обычно в творчестве Пушкина определенную стилистическую роль (стр. 11). Однако, вступив на путь отдельных исключений из общего правила в отношении имен собственных, составители Словаря недостаточно точно очертили границы этих отступлений и не вполне последовательны в проведении определенных принципов.

Понятно, что даже если бы было принято общее положение о включении собственных имен в Словарь, нет практической необходимости вводить в с е упоминаемые писателем собственные имена исторических лиц и сильно увеличивать (без особой пользы) объем Словаря уже потому, что указатель имен, упоминаемых Пушкиным, читатель найдет в соответствующих томах академического издания его сочинений. Дать необходимые сведения об этих лицах словарь такого типа все равно не мог бы — это и не его задача. Тем более важно было выработать ясные, теоретически и практически обоснованные принципы отбора этих слов.

¹ Замечу, однако, что вряд ли может быть вполне оправдано исключение иностранных слов, воспроизведенных средствами соответствующих иноязычных алфавитов, хотя те же иностранные слова, воспроизведенные средствами нашего алфавита, в Словарь включаются. Это ограничение, конечно, чисто внешнее. За пределами пушкинского словаря оказываются при этом даже такие характерные случаи, как *Madame*, *Monsieur* («Евгений Онегин», гл. I, строфа III), *dandy* (там же, строфа IV), *exit* («Аморг», exit...»). Может быть, составители Словаря в последнем томе издания дадут перечень иностранных слов и выражений употребляемых Пушкиным в русских текстах в иностранной транскрипции. В Словарь не включены также количественные и порядковые числительные, изображенные полностью или частично при помощи цифр (18, 18-го и пр.).

² См. Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 98 (разрядка моя. — Ю. С.).

Что касается включения в Словарь всех случаев нарицательного употребления собственных имен, то вряд ли это многое дает для характеристики пушкинского языка или языка его эпохи. Одно дело, конечно, такие собственные имена, как *Аристид*, *Герострат*, ставшие словами-характеристиками. Другое же дело — употребление личного собственного имени в несколько сдвинутом, обобщенном значении, отчего оно не перестает быть именем собственным, хотя на первый план выступают не все, а лишь определенные качества и свойства того лица, которое носит это имя. Ср. такие примеры, как: «Набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов»; «Улыбка, взоры, нежный тон Красноречивей, чем Вольтеры, Нам проповедают закон...» и т. п. В Словарь включаются и случаи такого рода (см. статьи *Ариост*, *Байрон*, *Вольтер*) и даже *Арион* из названия известного стихотворения, однако отсутствуют имена *Даниел* (*Данри*) («Суровый Дант не презирал сонета...»), *Баратынский* («Или как Гамлет Баратынский над ним задумчиво мечтай»; «Череш»). *Вулгарин* и т. п., являющиеся не просто указаниями на те или иные исторические лица, но прежде всего связанные с характеристикой определенных лиц, типов, их свойств и т. д. Среди собственных имен, включенных в первый том, находим «*Афеней*¹ [греческий писатель 3 в. н.э.] (1). О его произведениях. (Из Афеней)»; «*Гезиод* (1). Древнегреческий эпический поэт. Взяв божественную лиру, [Так] поведали бы миру Гезиод или Омир:». Первый случай относится к несколько смещенным, метонимическим случаям употребления имени собственного, но, конечно, нельзя видеть здесь употребление его в значении нарицательном. Ср. также статью *Антиреон*, где даны ссылки не только на нарицательное употребление собственного имени. Но тогда почему же мы не находим здесь имени *Гафиза* (ср. стихотворение 1829 г. «Из Гафиза») и некоторых других? Если включено имя Гезиода, употребленное в собственном смысле, то почему же нет Гомера, имя которого употребляется не раз и в сдвинутом, метонимическом смысле (ср. хотя бы: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера»? Все это следует отнести за счет отсутствия вполне четкого и последовательного подхода к категории имен собственных. Вполне естественно, что в Словарь включены мифологические и условно-поэтические имена (и типа *Лиды*, *Лилета*, *Делия*, и типа *Вибрус*, *Бестолков*, *Виазов*)¹. Но почему же к этим стилистически значимым условно-поэтическим именам и к полемико-ироническим кличкам не присоединены не менее значимые для поэтики Пушкина собственные имена его персонажей, такие, как *Евгений*, *Татьяна*, *Чарский*, *Буянов* (имя, кстати сказать, услышное после В. Л. Пушкина стать и традиционным) и т. п. Таким образом, в ограничениях, касающихся собственных имен, мы не видим до конца проведенного единого принципа; он заменен соображениями довольно внешнего свойства, к тому же не вполне последовательно осуществляемыми.

Полнота Словаря писателя определяется объемом привлеченных текстов. В этом смысле труд составителей «Словаря языка Пушкина» заслуживает нашего признания. Они привлекли почти весь материал, данный в академическом издании как основной текст. Правда, и тут сделаны небольшие ограничения принципиального характера, по поводу которых можно высказать сожаление. Почему, например, сделано исключение в отношении лексического материала «Истории Петра», «Заметок при чтении „Описания земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова» и раздела «Наброски и планы поэм», если в словарь вошли материалы «Записок бригадира Морюле-Гразе», сохранившиеся лишь в черновом автографе, ряд набросков и планов публицистических и литературно-критических статей и заметок? Самы составители Словаря понимали, что подобные ограничения не носят принципиального характера, и оправдывали их лишь ссылкой на нежелательность «откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков»². Но ведь исключенный материал, указанный выше, составляет едва ли более 1/10 части всего словарного материала.

Вряд ли его дополнительное привлечение могло заметно удлинить сроки подготовки Словаря, а между тем выигрыш в полноте был бы несомненный и прибавка была бы принципиально оправдана.

Вопрос о привлечении материалов, помещенных в академическом издании в разделе «Другие редакции и варианты», был более сложным и требовал более тонкого и осторожного подхода, чем тот, на котором остановились составители Словаря. Состав текстов, включенных в основной раздел академического издания сочинений, так же как и состав текстов, вошедших в раздел «Другие редакции и варианты», явно неоднороден. С одной стороны, редакция этого издания включила в основной его текст (особенно это относится к лирике Пушкина и к его критике и публицистике) и то, что было вполне закончено, отделано и апробировано самим поэтом, и то, что было им лишь начато, вчерне набросано и часто даже затем отброшено как материал, не подходящий для дальнейшей разработки. С другой стороны, когда речь шла об одном художествен-

¹ Итал. между прочим, что не всегда даются необходимые историко-этимологические справки при таких именах (например, их нет в словах *Дарнис*, *Делия* и др.).

² См. «Проект словаря языка Пушкина», М.—Л., 1949, стр. 15.

ном замысле, редакция академического издания относилась к разделу «Другие редакции и варианты» и такие части произведения, которые на определенной стадии работы поэта над этим произведением были им окончательно отделаны, иногда даже опубликованы, но затем, по тем или иным соображениям, исключены из произведения и потому не могут быть отнесены к окончательной его редакции (ср., например, исключенные две сцены из «Бориса Годунова», четыре начальные строфы из гл. IV «Евгения Онегина», которые были в свое время Пушкиным опубликованы в виде особого отрывка «Женщины»). Все это оправдано как прием текстологический при издании сочинений. Но ведь перед составителями Словаря были совсем другие цели и задачи, и им не нужно было механически следовать за рубриками издания сочинений.

В результате получилось, что в Словарь в качестве иллюстраций попало немало таких примеров, которые даже при первом взгляде можно расценить только как сугубо черновые наброски, которые иначе не мог рассматривать и сам поэт; нередко — это фразы, где редакторских конъектур не меньше, чем слов, идущих от автора, фразы, не имеющие у Пушкина иногда даже смысловой законченности. Вместе с тем в «Словарь языка Пушкина» не попали некоторые образцы его ювелирной поэтической работы, и не попали только потому, что они — и, конечно, не по соображениям стилистико-языковым, а по более широким, относящимся к композиции целого, — не вошли в окончательный печатный текст произведения. Составители, как видно это из соображений, высказанных в изданном в 1949 г. «Проекте словаря», также понимали условность принятого ими отбора текстов, понимали, что не может быть вполне оправдано с принципиальной точки зрения невключение лексического материала «Других редакций и вариантов». Действительно, включение в Словарь всех, даже черновых, вариантов пушкинского текста позволило бы читателю видеть среди лексических материалов не только то, что Пушкин сознательно выбирал, к чему он стремился, но и то, от чего он в ходе работы, в процессе своего творческого роста и развития отказывался. Это все обогатило бы читателя Словаря принципиально важным и интересным материалом. Такие максимальные требования остаются на будущее, и, может быть, мы увидим еще со временем дополнительный том Словаря, посвященный лексическим материалам других редакций и вариантов. Наши теперешние пожелания более ограничены. Мы хотели бы, чтобы, во-первых, в словарь вошли лексические материалы текстов вполне внутренне обработанных, законченных, хотя и не вошедших в состав более крупного целого; мы хотели бы, чтобы, во-вторых, в Словаре были как-то внешне (шрифтами, условными обозначениями) выделены словарные материалы, относящиеся к текстам необработанным, черновым, хотя и отнесенным в академическом издании сочинений к его основному разделу. Думается, что это можно было бы уже провести и в последующих томах Словаря.

В Словарь, как мы читаем далее во введении (стр. 11), «не включается... материал цитат, приводимых Пушкиным, если они выделены кавычками или иным способом и не входят органически в структуру его предложения». Означает ли решение чисто внешнее. Перестают ли чужие слова быть чужими, если они по тем или иным причинам не выделены «кавычками или иным способом»? Но в Словаре в таких случаях не предусмотрено никаких указаний на то, что это все-таки не пушкинские слова. В Словаре мы также практически сталкиваемся с нарушением сформулированного во введении правила. Во всяком случае мы нашли среди иллюстраций много примеров, взятых из цитат, правда, из цитат переводных. [Ср., например, иллюстрацию при первом значении слова *варварский* (цитата из Шатобриана); ссылки при словах *время*, *высокий*, *благородный*, *величайший*, *дорога* и др. (цитата из Вольтера); цитату на слово *генуэзский* и ссылки на слова *дерзнуть*, *дож* и др. (перевод речи Скриба) и т. д.] Везде эти цитаты взяты в тексте в кавычки, и нигде в Словаре не оговорено, что слово — из цитаты. Конечно, переводные цитаты находятся несколько на особом положении, когда они являются переводом самого поэта. Но все-таки они не есть собственно пушкинские по языку и стилю и часто далеки Пушкину по мыслям. Во всяком случае, если уж и вводить их в словарь, то, во-первых, нужно было оговорить это во введении, а во-вторых, при соответствующих примерах указывать обязательно, что это цитаты из других авторов.

Насколько важно указание на цитатный материал (даже и переведенный самим Пушкиным), показывает хотя бы следующий пример. Если бы при слове *жесты* «мертвец» (у североамериканских индейцев) было прямо указано, что оно выступает в переводной цитате из записок Теннера, то были бы сразу очерчены условия появления этого слова у Пушкина.

Сделав эти замечания об объеме и составе «Словаря языка Пушкина», перехожу к анализу принципов и приемов описания и толкования в Словаре внесенных в него слов и выражений. Следует согласиться с утверждением, что Словарь языка писателя «не может рассматриваться как толковый словарь в собственном смысле этого слова» (стр. 10). Действительно, нет никакой нужды в таком словаре во всех случаях давать толкования многих общезвестных слов. Словарь языка писателя неизбежно является

словарем дифференциальным. Мы не делаем упрека составителям и в том, что они не ставили своей задачей в данном Словаре отметить и указать все особенности поэтического употребления слова у Пушкина. Это — задача многих будущих исследований о языке и стиле Пушкина. Словарь языка писателя — прежде всего словарь-справочник, дающий материал для дальнейшего углубленного изучения языка писателя, стиля его произведений. Нам кажется, что в таком словаре нужна даже особая осторожность, чтобы путем излишних и недостаточно еще обоснованных толкований не помешать правильному пониманию словупотребления Пушкина, чтобы не навязать читателю слишком прямолинейного и одностороннего толкования слова, употребленного Пушкиным. В этом отношении излишне дробное выделение смысловых оттенков слов, наблюдающееся в ряде словарных статей первого тома, представляет известную опасность¹.

Нередко при этом за смысловой оттенок основного значения слова принимается то, что является по существу значением сочетания слов. Излишнее выделение смысловых оттенков, определяемых нередко при помощи подстановки различных синонимов, вызывает пллюзорное представление о раздельности, разграниченности того, что по существу является единым значением. В академических словарях сложилась неплохая традиция выделения, в пределах единого значения, типических сочетаний данного слова с другими словами, относящимися к различным сферам, — сочетаний, несколько смещающих, хотя и не изменяющих сколько-нибудь заметно само данное значение тодельного слова. Отчего бы не последовать за этой традицией и составителям словаря языка писателя, где, конечно, особенно важно не разделение единого, а демонстрация переливов поэтического употребления слова в разных контекстах?

Ниже, на отдельных примерах, мы хотели бы показать те опасности, которые таит в себе путь слишком прямолинейного разделения единого по существу значения на семантические оттенки.

Так, в слове *бледный* после первого значения: «слабо, неярко окрашенный, бесцветный» (ср. сочетания: «бледных туч», «бледное небо», «мрамор бледный», «бледных уст») следует пример с пометой «перен.»: «Красавиц наших бледный круг / В ее сиянии исчезает, а затем оттенок, формулируемый: «неяркий, тусклый» (ср. сочетания: «при бледном свете», «бледный день», «луною бледной», «пламя бледное... очей»). Но где проходит здесь смысловая демаркационная линия, читателю установить трудно. Почему определение «неяркий, тусклый» не может быть отнесено и к сочетанию: «бледное небо» или «бледные тучи», когда оно отнесено к сочетанию «бледный свет», «луна бледная»? Не лучше ли здесь было пойти по пути выделения отдельных рядов характерных сочетаний? В слове *бездействие* наряду с основным значением «отсутствие какой-нибудь деятельности, запятий, ничегонеделание» выделен оттенок «праздность». Но разве сами по себе *ничегонеделание* и *праздность* не синонимичны? Любопытно, что, на следующей странице Словаря под словом *безделье* таких различий между *праздностью* и *ничегонеделанием* не устанавливается.

Совершенно трудно понять разграничение значений в тех случаях, когда одно из них определяется словом настолько общим, что оно свободно включает в себя и все последующие толкования. Так, при слове *единый* мы находим раскрытие первого значения при помощи синонима «один», а далее следуют значения, определяемые: «единственный, только один»; «один и тот же» (ср. еще оттенки: «хоты бы один, даже только один»). Но ведь само слово *один* включает в себя все эти выраженные далее смысловые оттенки!

Можно было бы привести еще ряд аналогичных примеров излишней, недостаточно обоснованной и не вполне ясной для читателя разграниченности смысловых оттенков (например, в словах: *безбожник*, *безбожный*, *безумный*, *важный*, *ваш*, *венец*, *венчать*, *вершить*, *веселье*, *гармонический*, *гопный*, *ездить*, *ехать*, *жадный*, *жалкий*, *жаркий*, *жестокый*, *жизнь*, *жить* и некоторых других).

Выше мы говорили о нежелательной многозначности знака //, имеющей место в Словаре. Нельзя не указать и на неопределенность употребления во многих случаях пометы «перен.». С этой пометой нередко даются не только случаи действительно переносного употребления слова, но и всякого образного его применения; с этой же пометой представлены и различные случаи фразеологически смещенного применения слова. р. С эту помету при слове *жеманный* в цитатах из «Графа Нулина» и «Евгения Онегина», говорящих о «жеманном коте»; в слове *геральдика* в отношении цитаты с оригинальным сравнением: «Орфография, сия геральдика языка...». Даже в цитате: «Мне жаль, = = = Что геральдического льва Демократическим копытом Тенерь лягает и осед!» — составители находят переносное употребление слова *демократический*.

¹ Заметим кстати, что вряд ли удобно пользоваться одним и тем же знаком // (он уже стал обычным в наших различных толковых и двуязычных словарях для выделения семантических оттенков отдельного слова) для обозначения, как об этом говорится во вводной статье (стр. 14), во-первых, смысловых оттенков основных значений слова, зависящих от контекста; во-вторых, различного рода случаев метонимического употребления слова; в-третьих, характерных для того или иного слова синтаксических связей.

Большая часть толкований общих значений слов в первом томе Словаря достаточно точна и правильна. Однако и среди них встречаются некоторые, с которыми трудно или нельзя согласиться. Здесь укажем наиболее существенные из этих случаев. В слове *варвар* первое значение определяется: «представитель народа, стоящего на крайне низкой ступени развития культуры». Это определение не соответствует ни обычному бытовому представлению, ни традиционному терминологическому употреблению слова. Правильнее было бы говорить о народе, не причастном к цивилизации, нецивилизированном. В этой же статье при втором значении слова («некультурный, невежественный человек») дается цитата из стихотворения 1816 г. «К Жуковскому», цитата иронико-полюемического характера, направленная против сторонников «старого слога», членов пипиковской «Беседы»:

Летите на врагов и Феб и Музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потугит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор...

Хотя два последних стиха и позволяют как будто бы согласиться с приведенным в Словаре толкованием слова, однако на самом деле его значение здесь ближе всего к исходному историческому, сложившемуся еще в античном мире, т. е.: «чужеземец, иноплеменик», к значению, сохранившемуся и в церковнославянском употреблении (ср. Словарь 1847 г.), здесь, несомненно, пародийно воспроизведенному у Пушкина. В прилагательном *варварский* (при первом его значении) дана переводная цитата (из Шатобриана), где говорится о варварских племенах применительно к историческому пониманию этого термина, сложившемуся в древнем Риме. Однако значение слова *варварский*, которое подкрепляется этой цитатой, сформулировано как «прилагательное к в а р в а р в 1 знач.», т. е. к слову *варвар* в смысле: «представитель народа, стоящего на крайне низкой ступени развития культуры». Значение формы *валяй* (в цитате из письма П. А. Вяземскому от 14—15 августа 1825: «Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огнь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное») совершенно неправильно понято и истолковано как современное просторечное употребление этого глагола: «для выражения побуждения к какому-нибудь действию». Между тем здесь правильное видеть перенесение на форму от глагола *валять* известного значения глагола *валить*: «опрокидывать, повергать, сбрасывать».

Слово *дипломатик* понято как простой синоним к слову *дипломат* (т. е. служащий по дипломатической части), между тем как его следовало бы определить: «интересующийся, занимающийся дипломатией» (ср. Словарь 1847 г.), что прямо вытекает и из соответствующей цитаты. Третье значение слова *галлерия* определено так: «помещение, где размещаются для обозрения произведения искусства». Однако цитата («Потом они занялись рассмотрением галлерей картин...») требует иного определения: «о собрании произведений искусства». Слова *демагог*, *демагогический* определены так, что можно подумать, будто для пушкинского времени и для самого Пушкина они были нейтральными, равнозначными словам *демократ*, *демократический*. Однако тогда они имели уже смысл более специфический, и цитаты из Пушкина указывают на это.

Слово *благочинный* истолковано как «благопристойный». Однако единственный пример употребления этого слова: «Так элегическую лиру Ты променял, наш моралист, На благочинную сатиру? Хвалю поэта — дельно миру! Ему полезен розги свист» — говорит о другом. *Благочинный* здесь значит «относящийся к благочинию, заботящийся о благочинии» в том устарелом теперь значении этого последнего слова (ср. Словарь 1847 г.: «добрый порядок, благоустройство»), которое выступает и в терминологическом сочетании: *управа благочиния* — как называлось городское учреждение с полицейскими и судебными функциями по гражданским и уголовным делам.

Можно отметить и определения неловкие или недостаточно четкие. Так, *басня* определена: «небольшое литературное произведение аллегорического характера с нравоучительным сюжетом». Однако у Пушкина в ряде цитат мы встречаемся с более расширительным применением этого слова, в смысле: «всякий аллегорический рассказ, иносказание, притча». *Дона* определяется так: «частица, присоединяемая к ж е н с к и м именам испанских дворянок» (разрядка моя. — Ю. С.). В статье *брюмер* толкуется лишь общее значение этого слова, тогда как, применительно к цитате, следовало бы толковать сочетание: *18 б р ю м е р а*. Совершенно невозможно как оттенок к значению «кровеносный сосуд» в слове *жила* рассматривать особое значение «сухожилие». Можно было бы указать и еще на ряд аналогичных промахов и неточностей (например, в словах *ваканция*, *желал*, *возгорелся*, *журнализм* и некоторых других).

Мы вправе ожидать особо внимательного отношения к тем словам, которые имеют в речи Пушкина важное идейное или символическое значение. Таковы, например, в первом томе слова *вдохновение*, *жертва*, *жертвоприношение*, *жрец*, *алтарь* и др.

В поэтическом языке Пушкина они тесно связаны с определенной концепцией поэтического творчества, с отражениями романтического взгляда на искусство, с мифологической символикой, определенным образом полемически направленной у Пушкина. Но этого-то как раз мы и не узнаем из толкований словаря. Мы найдем здесь только формальные определения их общих значений: *алтарь* — «жертвенник»; *жертва* — «то же, что жертвоприношение в 1 значении»; *жертвоприношение* — «1. Принесение жертвы... 2. То, что приносится в жертву»; *жрец* дано вообще без исходного определения.

Что касается слова *вдохновение*, то в этом случае (как и в других аналогичных) мы ожидали бы видеть известную перспективу смыслового развития такого значимого для Пушкина слова. Между тем сразу же за толкованием первого значения его («состояние творческого подъема») идет цитата из замечаний Пушкина на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следств. «венно» к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных». Этот знаменитый афоризм Пушкина, за которым сразу же следует важное пояснение, что «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии», направлен против романтических и идеалистических представлений о вдохновении, смешивающих вдохновение с восторгом. Указанный афоризм есть итог серьезнейшего духовного развития Пушкина, в нем отражен процесс формирования его как реалиста. Между тем описание первого значения слова *вдохновение* в Словаре, подбор цитат и их расположение не дает и намека на эволюцию данного понятия у Пушкина. Понятно, что Словарь языка писателя не может быть в полном смысле идеографическим словарем, но все-таки, в пределах возможного, следует пожелать, чтобы в последующих томах составители Словаря с большим вниманием отнеслись к толкованию и описанию тех слов, которые являются общественно-политическими и философско-эстетическими терминами, важными для характеристики мировоззрения Пушкина. Особая группа лексикки нуждается и в особом подходе к ней.

Если говорить о противоречиях Словаря, то нельзя не отметить, что в нем сочетается некоторая излишняя щепетильность и уклончивость с отдельными проявлениями неожиданной в таком словаре неосторожности. Так, редакция его отказалась от стилистической характеристики слов «в силу слабой разработанности исторической стилистики русского языка» (стр. 10). Однако в довольно обширном ряде случаев это можно и нужно было сделать, скажем, в виде исторических справок о том, с какими стилистическими пометами выступали те или иные слова, например, в современных для того времени словарях (в «Словаре Академии Российской» и Словаре 1847 г.). Это, без сомнения, показало бы, из каких стилистических слоев тогдашнего языка черпал слова Пушкин, избавило бы читателя от необходимости постоянно наводить справки по старым словарям¹.

Вместе с тем, помимо уже упомянутой выше неосторожной детализации в выделении смысловых оттенков слова, мы видим явную неосторожность, своего рода составительский «домысел» и в выделении омонимов. Как омонимы представлены, например, здесь и слова: *бедный* и *бедняк* (в их социально-экономическом и эмоционально-экспрессивном значениях), *беспорядочный*, *ближний*, *вольный*, *воля*, *выговор*, *глава*, *глагол* (в смысле «слово, речь») и в значении грамматического термина), *довольный*, *достать* и т. д. Каковы бы ни были теоретические соображения составителей², вряд ли можно считать это вполне обоснованным. Нужны еще исторические изыскания, не менее значительные, чем изыскания в области исторической стилистики, чтобы доказать, что Пушкиным и его современниками эти слова (например, *бедняк* в указанных двух значениях) действительно рассматривались как омонимы, разные слова.

Проявлением неосторожности мы считаем и те случаи, когда конъектуры редакторов академического издания сочинений Пушкина фиксируются в Словаре как случаи собственно пушкинского словопотребления. При слове *гнушенный* мы находим в качестве одного из примеров: «Иди, и с вервием на выи К у. <бийне> <?> г. <нусному> <?> ивишь». Как бы ни было остроумно, убедительно и правдоподобно такое прочтение, однако оно все-таки принадлежит редактору, а не является бесспорным фактом пушкинского словопотребления.

Не вполне последовательно выдерживается в первом томе принятое правило — не давать толкований слов, употребленных у Пушкина в одном значении и при этом совпадающем с современным употреблением данного слова (ср., например, толкования при словах: *барщина*, *бедокур*, *вассал*, *взятель*, *вельможа*, *гадкий*, *жилованье*, *живо-*

¹ Отмечу, между прочим, что, вопреки отказу составителей от стилистических помет, при отдельных словах мы все-таки находим указание на некоторые стилистические условия употребления слова (ср., например, слова *гей*, *еднорал* и *енарал*, *девчонка*, *баба*, *батка*).

² В этом отношении мы не видим в Словаре, впрочем, особой последовательности, какой-либо системы: не разделены на омонимы слова *благодарь*, *дорогой*, *вольность*, *душа*, даже *гость*, в то время как выделены омонимы *благо*, *бедный*, *вольный* и т. п.

писать, евангелие, евангелист, единомышленник, единоначатие). Значительно реже встречаются в Словаре случаи отсутствия необходимых толкований, как, например, при слове *гад*. Ведь в известном стихе из «Пророка»: «И гад морских подводный ход» — слово *гад* вряд ли имеет современное значение «земноводное пресмыкающееся животное» (см. словарь под ред. Д. Н. Ушакова), а вероятно, обозначает вообще разные виды морского животного мира.

Есть в первом томе Словаря и отдельные технические упущения. Так, отсутствует ссылочная статья на вариант слова *воображение* — «еображенье», хотя по правилам, принятым в Словаре, она должна быть дана. При слове *басня* приводится цитата из письма. «Все его (Дмитриева — Ю. С.) басни не стоят одной хорошей басни Крылова». Однако в перечне форм ссылки на это место и вообще на форму им. падежа мн. числа нет.

По правилам, принятым в этом Словаре, в одной статье даются лексические варианты, «по отношению к которым не наблюдается сколько-нибудь заметной тенденции к смысловой и стилистической дифференциации» (стр. 12). Тогда почему же не разграничены варианты *басурман* и *бусурман* (хотя последний выступает лишь в «Песнях западных славян», и, следовательно, в употреблении вариантов можно видеть какой-то стилистически разграничивающий момент), *героический* и *ироический*, *героический* и *ироиский* (здесь стилистическая дифференциация даже более несомненна, чем в ряде соотношений полногласных и неполногласных вариантов)?

Для иллюстрации употребления слова не всегда выбраны лучшие цитаты. Так, при слове *деспотизм*, требующем точной характеристики, предпочтены очень ярким цитатам (о деспотизме Екатерины II из «Заметок по русской истории XVIII века» и о ненависти Пушкина к деспотизму из письма П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 г.) менее выразительные цитаты из заметки «О г-же Сталь и о г. А. М-ве» и из стихотворения «Ты и я».

Сделаем одно замечание и о предисловии к Словарю. Оно кратко говорит о значении Пушкина в истории нашего литературного языка и характеризует замысел и назначение Словаря. Жаль лишь, что оно не касается хотя бы вкратце тех важнейших особенностей поэтического словоупотребления Пушкина, которые, как замечено в том же предисловии, не оказались возможным показать в самом Словаре.

Составители приложили не мало усилий для того, чтобы сделать словарные статьи компактными, легко обозримыми, удобными для читательского восприятия, выразительно построенными. Хорошо разработана система условных сокращений в ссылках на пушкинские тексты. Ценимым является изданное отдельной книжечкой (что очень удобно) приложение к Словарю, содержащее список условных обозначений произведений, указателей стихотворений, произведений критико-публицистических, писем и др. Хорошо, что в этих указателях приведены страницы, на которых напечатано данное произведение не только в академическом шестнадцатитомном, но и в академическом десятинадцатом издании сочинений. При помощи указателей читатель без труда отыщет любую интересующую его цитату. К сожалению, полиграфическая сторона издания оставляет желать лучшего (плохая бумага, не всегда четкая печать, недостаточное разнообразие и выразительность применяемых шрифтов и условных знаков). Можно было бы, в частности, пожелать, чтобы для большей наглядности отдельные основные значения слов выделялись с красной строки, чтобы более четкими были знаки оттенков.

Составители и редакция Словаря проделали, бесспорно, большую работу и дали в руки читателю-специалисту важное и необходимое пособие. Издание пушкинского Словаря, несомненно, послужит делу дальнейшего развертывания исследовательской работы по языку Пушкина и его эпохи. Опираясь на собранный и систематизированный в Словаре материал, исследователь может сделать многие выводы и заключения, сосредоточить свое внимание, не затрачивая усилий на черновую и крайне трудоемкую работу подбора материалов, на углубленном анализе языка и стиля Пушкина. Читатели Пушкина найдут в Словаре необходимый справочный материал.

Отмеченные нами выше непоследовательности и недостатки в разработке и описании материалов первого тома Словаря отчасти естественны в таком еще новом и очень трудном деле, как составление полного Словаря языка писателя, отчасти устранимы, и мы будем рады, если сделанные выше замечания приведут к внесению необходимых улучшений, уточнений и дополнений в последующих томах.

Остается пожелать, чтобы эта работа была возможно скорее доведена до своего завершения. Нужно пожелать также, чтобы шире развернулась работа по подготовке словарей языка других наших великих писателей или отдельных выдающихся произведений русской литературы и чтобы дело это в дальнейшем совершенствовалось. При этом должны быть учтены как бесспорные достоинства данного первого большого опыта, так и его недостатки.

Ю. С. Сорокин